nauchnyi vestnik

MOSKOVSKOI KONSERVATORII

2018

JOURNAL OF MOSCOW CONSERVATORY

2 (33)

Крыловская Изабелла Ильинична

belcanto@bk.ru

Кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Дальневосточного федерального университета

690091, г. Владивосток,
ул. Суханова, 8

Isabella I. Krylovskaya

belcanto@bk.ru

Ph. D., Associate Professor of Department of Cultural Studies and Art History, School of Arts, Culture, and Sports, Far Eastern Federal University

8, Sukhanova St.
Vladivostok 690091
Russia

Аннотация

Композитор, пианист и дирижер Давид Гейгнер на Дальнем Востоке: возвращенное имя

Статья посвящена деятельности репрессированного композитора, пианиста и дирижера Д. И. Гейгнера на Дальнем Востоке России, а также в Харбине и Шанхае. Обстоятельства его жизни и творчества во Владивостоке и Харбине устанавливаются на основе материалов региональных архивов и периодики, а также семейных архивов и интервью дочери музыканта. Сделан вывод о важной роли Д. И. Гейгнера в развитии различных областей музыкальной культуры региона и установлены факты его авторства первых произведений для музыкального театра на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Д. И. Гейгнер, джаз-оркестр Д. И. Гейгнера, музыкальная культура Дальнего Востока, музыкальная культура Харбина, музыкальный театр Дальнего Востока

Abstract

Composer, Pianist and Conductor David Geygner in the Far East: the Returned Name

The article is devoted to the activity of purged musician David I. Geygner in the Far East of Russia and in Russian expatriate communities of Harbin and Shanghai. Circumstances of his life and creativity in Vladivostok and Harbin are established on the basis of materials of regional archives and the periodical press and also family archives and an interview of the musician's daughter. The conclusion is drawn on an important role of D. I. Geygner in the development of various areas of musical culture of the region. The fact of his authorship of the first works for musical theater in the Far East is established.

Keywords: David I. Geygner, D. I. Geygner's jazz band, musical culture of the Far East, musical culture of Harbin, musical theater of the Far East

Изабелла Крыловская

КОМПОЗИТОР, ПИАНИСТ И ДИРИЖЕР ДАВИД ГЕЙГНЕР НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ВОЗВРАЩЕННОЕ ИМЯ

Светлой памяти Елизаветы Давидовны Ривчун (Гейгнер) посвящается

Демократические процессы в России в последние десятилетия способствовали раскрытию информации о сотнях деятелей искусств, подвергшихся репрессиям и физическому уничтожению в сталинскую эпоху. Потери, которые понесло отечественное искусство, поистине колоссальны. Необходимость сохранения памяти об этих людях и их вкладе в художественную культуру страны по-прежнему актуальна. Каждое возвращенное имя — это возвращенная страница истории отечественной культуры. Одно из них — Давид Исаакович Гейгнер (1898–1938)[1], композитор, пианист, дирижер, в 1935 году принятый в Московский союз композиторов, создатель и руководитель первых джаз-оркестров в нашей стране и русском зарубежье.

Ил. 1. Д. И. Гейгнер. Из семейного архива Е. Д. Ривчун (Гейгнер)

[1] Биографические сведения см. в: [2], [14].

Имя Д. И. Гейгнера автору настоящей статьи стало известно в процессе изучения вопросов функционирования музыкального театра на Дальнем Востоке России в двадцатые-тридцатые годы прошлого столетия. На сайте Сахаровского центра обнаружилась биографическая справка [2] и материал газетной статьи Л. Щербаковой «Потерянная музыка» [14]. Публикация была основана на воспоминаниях дочери Гейгнера — Елизаветы Давидовны Ривчун (Гейгнер)[2]. Информация, которая сразу привлекла наше внимание: *в 1926 году Д. И. Гейгнер был приглашен во Владивосток в качестве дирижера в русскую оперетту.* Некоторое время для нас это было просто еще одним именем, встретившимся по мере накопления материала исследования. Однако работа с документами Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ) и Государственного архива Хабаровского края, в которых вновь обнаружилась эта фамилия, заставила вернуться к судьбе музыканта. Стало очевидным, что в нашем распоряжении имеются сведения о жизни и деятельности музыканта в Дальневосточном крае (ДВК) и Китае, которые не были известны его близким, а также исследователям музыкальной культуры русского зарубежья[3].

Гейгнера арестовали в Москве в 1937 году по обвинению в шпионаже и подготовке теракта. После вынесения приговора его расстреляли в тот же день, 8 января 1938 года. В 1956 году он был реабилитирован. По содержанию воспоминаний его дочери было понятно, насколько глубоко и тяжело переживались в семье события, связанные с судьбой отца, как дорога была память о нем. Поэтому мы приняли решение попытаться найти родственников композитора, чтобы передать обнаруженные сведения. С помощью коллег удалось связаться с внуком Д. И. Гейгнера — композитором, исполнителем и педагогом Борисом Александровичем Ривчуном, который, в свою очередь, представил нас своей матери, Елизавете Давидовне Ривчун (Гейгнер). Встреча состоялась в июле 2016 года. Автором данной статьи ей были переданы выписки из архивных документов, содержащие сведения о ее отце, а также копии харбинских афиш, в которых он указан как дирижер спектаклей оперетт. Самое важное и ценное в этой встрече — записанное интервью с Е. Д. Ривчун, как оказалось — последнее[4].

---

[2] У Д. И. Гейгнера было двое детей. Старший брат Елизаветы Давидовны — Эмиль Гейгнер (1920–2012) — один из выдающихся музыкантов отечественного джаза. Первый в России тенор-саксофонист, играл в оркестрах Цфасмана, Утёсова. В этих же оркестрах работал будущий супруг Елизаветы Давидовны, Александр Борисович Ривчун (1914–1974) — замечательный музыкант, страстный пропагандист музыки для саксофона, педагог, заслуженный артист РСФСР, создатель первых печатных работ для отечественной школы саксофона («Школа игры на саксофоне» и «40 этюдов для саксофона»).

[3] Прежде всего, мы имеем в виду С. Л. Пестова, автора первой печатной работы о жизни и деятельности Гейгнера [3].

[4] Елизавета Давидовна Ривчун (Гейгнер) родилась в 1924 году — скончалась 6 января 2017 года.

В ходе работы с архивными документами, а также с местной периодикой конца двадцатых годов прошлого столетия и харбинским журналом «Рубеж» нам удалось собрать новые сведения о жизни и творчестве Гейгнера на Дальнем Востоке России и в Харбине. В том числе было сделано несколько открытий, имеющих важное значение для истории музыкальной культуры ДВК и для истории музыкального театра российского Дальнего Востока и русской диаспоры в Китае. Знакомство с ними широкой музыкальной и научной общественности стало основной нашей задачей. При этом считаем необходимым отметить, что некоторые обстоятельства жизни Гейгнера в ДВК будут представлены иначе, чем в воспоминаниях его дочери [14]. Этому есть объективное объяснение: некоторые вещи ей могли быть попросту неизвестны, потому что на Дальний Восток Елизавету Давидовну привезли очень маленьким ребенком.

Первые сведения о Гейгнере были обнаружены нами в книге владивостокской исследовательницы В. Королевой, в которой опубликованы выборочные анонсы спектаклей, концертов, кинопремьер из местной периодики с 1917 по 1929 год [5]. Необходимость обнаружения достоверных и полных сведений о пребывании композитора во Владивостоке побудила нас к более подробному изучению газетных публикаций второй половины двадцатых годов. Первый факт, который удалось установить практически сразу: Гейгнер приехал во Владивосток уже в конце 1925 года, а не в 1926 году, как считали его близкие. Об этом совершенно четко свидетельствуют восемь анонсов сеансов кинотеатров «Художественный» и «Арс» в газете «Красное знамя» с 17 ноября по 2 декабря 1925 года. Во всех объявлениях указано: «музыкальное сопровождение картины в исполнении известных московских иллюстраторов *т. т. Гейгнер* и Ротберг» [курсив наш. — *И. К.*][5]. Полагаем, что в ДВК музыкант приехал в поисках работы. Здесь была возможность не только найти место в городах края, но и выехать в Харбин, чтобы выступать для советских граждан, работавших на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Вряд ли Гейгнер мог в то время получить приглашение во владивостокскую русскую оперетту, как указано в статье Л. Щербаковой [14]: в 1925 году на территории ДВК еще работали частные антрепризы, но к концу этого года (т. е. к моменту приезда музыканта в ДВК) практически все они разорились, что привело к росту безработицы в артистической среде.

Несколько раз в году краевой профсоюз работников искусств (Далькрайрабис) организовывал так называемые дни Рабиса. В течение дня во всех театрах и иллюзионах шли спектакли и концерты, сборы от которых были всегда целевыми. В день Рабиса 23 ноября 1925 года в гортеатре «Золотой Рог» силами ведущих артистов была исполнена оперетта Э. Одрана «Красное солнышко». Как следует из газетного анонса, в спектакле участвовали «хор, балет, усиленный оркестр под управлением *московского*

[5] Газета «Красное знамя» за ноябрь 1925 года: №№ 1577, 1580–1583, 1588; за декабрь 1925 года: №№ 1589, 1590.

дирижера Гейгнер» [курсив наш. — *И. К.*][6]. Но это единичное событие, конечно, не могло быть поводом для приглашения Гейгнера, фактически, с другого конца страны[7]. В помощь безработным артистам оперетты (или комической оперы) при владивостокской бирже труда, благодаря содействию профсоюза Рабис, весной 1926 года был создан новый передвижной коллектив комической оперы, но в качестве его дирижера был приглашен Казанцев, а на следующий сезон — известный в ДВК и Харбине музыкант Веселов-Апрельский[8].

В местной периодике мы обнаружили 95 анонсов и публикаций, дающих исчерпывающее представление о деятельности Гейгнера во Владивостоке с конца 1925 по 1928 год включительно. В течение 1926 года он в качестве тапера сопровождает показы фильмов в кинотеатре «Арс» и здесь же участвует как солист и аккомпаниатор в концертных отделениях после киносеансов. Очевидно, вместе с ним во Владивосток в конце 1925 года приехала группа московских музыкантов-инструменталистов. С их приездом в работе местного кинематографа появилось новшество — сопровождение сеанса не одним иллюстратором-пианистом, а инструментальным ансамблем или даже оркестром, как следует из анонса 1-й серии немецкой киноленты «Нибелунги» в газете «Красное знамя» от 28 февраля 1926 года. В объявлении указано: «Особое внимание: 1-й и 2-й сеансы будут иллюстрироваться усиленным струнным оркестром под управл. известного Москов. иллюстратора т. Гейгнер. Концертмейстер т. Ротберг. Партию органа исполн. Гейгнер»[9].

Вторая сфера деятельности в 1926 году — музыкальное сопровождение спектаклей и дивертисментов в местном городском театре «Золотой Рог», аккомпанирование певцам и инструменталистам в концертах того же театра, а также в летнем театре пригородного сада на 19-й версте.

Сад 19-я верста Прим. сп. о-ва „Динамо". — В СУББОТУ 24-го июля с. г.
Только ОДИН КОНЦЕРТ
артистки Московск. Музыкальн. Комедии
СЕРАФИМЫ ШУВАЛОВОЙ,
при участии ПИАНИСТА-КОМПОЗИТОРА Д. ГЕЙГНЕР (СОЛО).
У рояля Гейгнер. — Начало концерта в 8½ час. веч.
Цены местам от 55 коп. до 1 руб. 20 коп.
РЕПЕРТУАР:
Таборные песни цыган, песни нового быта, любимые арии из поп. опер.
АНОНС: В воскресенье 25 июля с. г. кино-боевик ДИНА ДЗА-ДЗУ. Сверх прогр. боевой аттракцион.

Ил. 2. Газета «Красное знамя». №1779. 1926 год. 23 июля. С. 6. Государственный архив Приморского края (ГАПК)

[6] Газета «Красное знамя». №1582. 1925 год. 22 ноября. С. 6.

[7] В интервью Е. Д. Ривчун сообщила, что во Владивосток семья приехала из Москвы.

[8] Ситуация на рынке труда в ДВК в 1925 году и история передвижного коллектива комической оперы рассмотрена в нашей статье: [6].

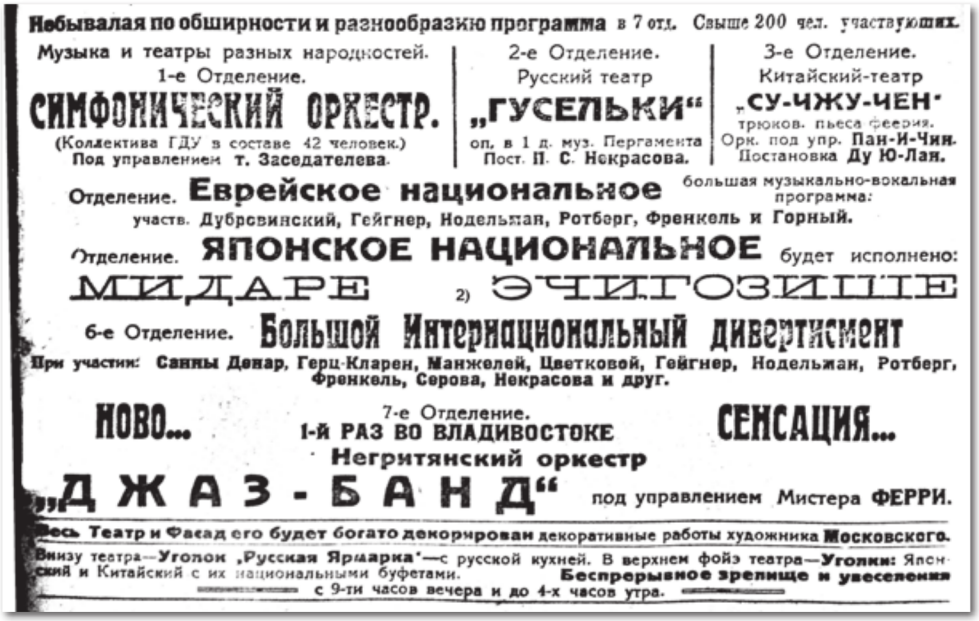
[9] Газета «Красное знамя». №1661. 1926 год. 28 февраля. С. 7. Сохранено написание оригинала.

Из газет также стало известно, что в киноконцертной жизни города принимал участие не только сам композитор, но и его супруга — Цецилия Александровна Гейгнер (Чудновская) — замечательная пианистка и аккомпаниатор. В анонсах зафиксировано ее участие в концерте певца-сатирика П. Елинского и музыкальное иллюстрирование «боевика сезона»[10] «Саломея».

Клуб имени т. ВОРОВСКОГО. В воскресенье 4-го апреля
Гастроль Народного певца-сатирика
Павла ЕЛИНСКОГО
(в новом репертуаре)
При участии виртуоза-гармониста автора граммофон. пластинок „Колумбия"
Н. М. ЗАЙЦЕВА. У рояля **Ц. Гейгнер.**
Подробно в афишах. Начало в 8 1/2 ч. веч Цены местам от 35 коп. до 1 р. 35 коп. Билеты продаются в кассе клуба Воровского с 11—2 ч. дня и с 5—9 часов вечера.

Ил. 3. Газета «Красное знамя». №1689. 1926 год. 3 апреля. С. 6.
ГАПК

Небывалая по обширности и разнообразию программа в 7 отд. Свыше 200 чел. участвующих.
Музыка и театры разных народностей.
1-е Отделение.
СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР.
(Коллектива ГДУ в составе 42 человек.)
Под управлением т. Заседателева.
2-е Отделение.
Русский театр
„ГУСЕЛЬКИ"
оп. в 1 д. муз. Пергамента
Пост. П. С. Некрасова.
3-е Отделение.
Китайский-театр
„СУ-ЧЖУ-ЧЕН"
трюков. пьеса феерия.
Орк. под упр. Пан-И-Чин.
Постановка Ду Ю-Лан.
Отделение. **Еврейское национальное** большая музыкально-вокальная программа:
участв. Дубровинский, Гейгнер, Нодельман, Ротберг, Френкель и Горный.
Отделение. **ЯПОНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ** будет исполнено:
МИДАРЕ 2) **ЭЧИГОЗИШЕ**
6-е Отделение. **Большой Интернациональный дивертисмент**
При участии: Санны Денар, Герц-Кларен, Манжелей, Цветковой, Гейгнер, Нодельман, Ротберг, Френкель, Серова, Некрасова и друг.
НОВО... 7-е Отделение. **СЕНСАЦИЯ...**
1-Й РАЗ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ
Негритянский оркестр
„ДЖАЗ-БАНД" под управлением Мистера **ФЕРРИ.**
Весь Театр и Фасад его будет богато декорирован декоративные работы художника Московского.
Внизу театра—Уголок „Русская Ярмарка"—с русской кухней. В верхнем фойэ театра—Уголки: Японский и Китайский с их национальными буфетами. **Беспрерывное зрелище и увеселения**
с 9-ти часов вечера и до 4-х часов утра.

Ил. 4. Газета «Красное знамя». №1704. 1926 год. 21 апреля. С. 6.
ГАПК

[10] Такая рекламная характеристика картины дана в анонсе: газета «Красное знамя». №1768. 1926 год. 10 июля. С. 4.

Самое яркое событие, в котором принял участие Гейгнер в 1926 году, — интернациональный вечер в семи отделениях, организованный спортобществом «Динамо». Были представлены русский и китайский театры, национальная музыка прозвучала в еврейском и японском отделениях. Апофеозом вечера стал большой интернациональный дивертисмент и выступление негритянского джаз-банда.

Весной 1926 года музыкант работал в квалификационной комиссии при Владивостокском окружном посредническом бюро по найму работников искусств (в документах — Посредбюрорабис или Посредрабис). В задачи комиссии входило определение уровня профессионализма безработных певцов и музыкантов и составление рекомендаций для их дальнейшего трудоустройства. В процессе работы в РГИА ДВ в нашем распоряжении оказались три протокола, датированные маем 1926 года. Кроме Гейгнера в работе комиссии принимали участие дирижеры Шапиро и Ван-Кеерберген, преподаватель пения Лугарти, высококвалифицированные музыканты — Френкель, Нодельман, Бронштейн, Босич, а также заведующий Посредрабисом Я. Яшин. Приведем фрагмент из протокола №2: «Слушали: т. Авербах. Квалифицируется как оркестровый флейтист. Играет на флейте старой конструкции. Исполняет концерт Бюхнера. Постановили: отнести к III группе 14 категории (театр местного значения)»[11].

1927 год был самым насыщенным. Гейгнер много выступает в концертах, аккомпанируя артистам различных жанров, создавая музыкальное оформление в гортеатре «Золотой Рог», а также на новых площадках в профсоюзных клубах. В качестве иллюстратора и участника концертных отделений он по-прежнему сотрудничает с кинотеатрами «Арс» и «Художественный». Дважды в анонсах встретилось имя и Цецилии Гейгнер. Новое в деятельности Давида Исааковича в этом году было связано с театральными постановками. При содействии посреднического бюро Рабис в гортеатре «Золотой Рог» в конце марта и начале апреля 1927 года были поставлены две оперетты — «Цыганская любовь» И. Кальмана и «Жрица огня» В. Валентинова с участием примадонны передвижного коллектива комической оперы К. Христофоровой. Дирижером и хормейстером постановок был приглашен Гейгнер[12].

Взаимоотношения с собственно музыкально-театральным коллективом ДВК, труппу которого набирали на каждый сезон начиная с марта 1926 года, у Гейгнера так и не сложились. Новую смешанную оперно-опереточную труппу на сезон 1927/1928 годов начали формировать в августе 1927 года. Для этой цели в Москву был отправлен директор театра Туманов. Среди документов РГИА ДВ нашлась его переписка с посредническими бюро Рабис Хабаровска и Владивостока[13]. Из телеграмм явствует, что Гейгнера

[11] РГИА ДВ. Ф. Р–2534. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

[12] Газета «Красное знамя». №1978. 1927 год. 22 марта. С. 4. Газета «Красное знамя». №1994. 1927 год. 9 апреля. С. 6.

[13] РГИА ДВ. Ф. Р–2534. Оп. 1. Д. 27. Л. 13, 27, 103, 116, 133, 145.

приглашали в труппу ответственным хормейстером. Его талант концертмейстера также высоко ценили. В материалах архива обнаружилась записка, написанная 11 августа 1927 года заведующим владивостокским посредническим бюро Я. Яшиным заведующему краевым Посредбюрорабис В. Теплову: «Уважаемый тов. Теплов! При формировании оперетты имейте в виду пианиста Гейгнер, который дал согласие служить в оперетте концертмейстером-пианистом. Лучшего не найти. Нужно воспользоваться этим обстоятельством. Предложите его Туманову. Теперь же дабы он не привез концертмейстера с опереттой»[14].

В августе-сентябре 1927 года Гейгнер находился во Владивостоке. Предварительное соглашение о работе в оперно-опереточной труппе было достигнуто, но договор с ее дирекцией так и не был подписан. О причинах мы можем только высказать предположение. Вероятно, в октябре-ноябре 1927 года музыкант выезжал в Москву. Именно в эти два месяца в местной периодике не встречается ни одного анонса с его именем. Вернулся он, судя по всему, не один, а с группой московских музыкантов, с которыми возник новый творческий замысел, исключивший сотрудничество с музыкально-театральной труппой. Подтверждением нашего предположения может служить упоминание в телеграммах имени виолончелиста С. Френкеля, с которым также велись переговоры о работе в оркестре музыкальной труппы и с которым в дальнейшем Гейгнер вместе работал. В телеграммах оговаривалось условие, что обоим музыкантам будет оплачена обратная дорога в Москву[15].

Еще одним подтверждением может служить публикация в газете «Красное знамя» от 3 декабря 1927 года в рубрике «Кино» — «К вопросу о музыкальной иллюстрации» [9, *5*]. Ее автор — некто Линнит — поднял очень важную для своего времени проблему, имеющую значение и для истории отечественного кинематографа: о функции музыкального сопровождения в советском кино. По мнению Линнита, музыкальная иллюстрация должна «вылезти из задворок аккомпаниаторства на путь своего прямого назначения». Главная ее задача — «приучить массового зрителя к серьезной музыке» [там же]. Далее автор констатирует, что во Владивостоке вопросами музыкальной иллюстрации в кино никто специально не занимался. Музыка, которая звучит в двух кинотеатрах «Арс» и «Художественный», приносит отрицательный результат, так как из-за нее зрители перестают ходить в кино. Лучше дело обстоит с кинотеатром «Уссури»: «*Приезжает* пианист Гейгнер. Выписан и приехал дирижер-концертмейстер московского симфонического оркестра кино “Малая Дмитровка” — тов. М. Френкель» [курсив наш. — *И. К.*]. Манера москвичей, как пишет Линнит, уже чувствуется, потому что, когда в кинофильме едет тройка — в оркестре звенят колокольчики, а когда на экране падает разбитая тарелка — то же самое происходит

[14] РГИА ДВ. Ф. Р–2534. Оп. 1. Д. 27. Л. 98. Сохранено написание оригинала.

[15] РГИА ДВ. Ф. Р–2534. Оп. 1. Д. 27. Л. 3–4.

и в оркестре. Но при этом, замечает автор публикации, «Френкель привез и симфонии Чайковского, Мендельсона и даже Прокофьева» [там же].

В течение всего декабря 1927 года Гейгнер работает с инструментальным ансамблем под управлением М. Френкеля в кинотеатре «Уссури». Первый сеанс с их участием состоялся 4 декабря, это была городская премьера картины Я. А. Протазанова «Человек из ресторана». В газетном анонсе можно было прочитать, что музыкальная иллюстрация производится концертным ансамблем: «Солист скрипач московских театров — М. Френкель, Виолончелист — С. Фенкель, *Гармониум – Ц. Гейгнер,* Флейта — Н. Вебер, *Рояль известный пианист композитор – Д. Гейгнер*, Пианист-иллюстратор — Е. Миончинская»[16] [курсив наш. — *И. К.*]. Судя по газетной заметке, для иллюстраций использовалась в том числе и серьезная музыка, благодаря чему владивостокская публика при посещении киносеанса получала возможность познакомиться с произведениями отечественных и зарубежных композиторов. В марте 1928 года демонстрацию революционного боевика «Октябрь», как указано в анонсе, сопровождал уже *симфонический оркестр* под управлением М. Френкеля. Партию рояля по-прежнему исполнял Давид Гейгнер.

В 1928 году из новых событий в деятельности Гейгнера можно указать участие в закрытых симфонических концертах во Владивостокском деловом клубе[17]. В одном из них, состоявшемся 6 марта, он дирижировал расширенным ансамблем. Во втором отделении исполнялись симфонические произведения отечественных композиторов, в том числе его сочинение под названием «Восточные сцены» [5, *160*]. Следует упомянуть еще одну газетную публикацию, отметившую мастерство Гейгнера как аккомпаниатора. В апреле 1928 года на сцене гортеатра «Золотой Рог» проходили выступления московских артистов эстрады. В концерте принимали участие солисты оперы и оперетты — Штейнберг (сопрано) и Елизаветский. В статье из газеты «Красное знамя» от 24 апреля 1928 года говорится: «Из аккомпаниаторов надо упомянуть Д. Гейгнера, очень тонко сопровождавшего номера Штейнберг» [12, *3*].

Последние анонсы с именем музыканта появляются в периодике в конце апреля 1928 года. В связи с этим можно приблизительно определить время его выезда с семьей в Харбин: май или июнь 1928 года. Факт выезда в составе театрального коллектива не подтверждается[18]. Труппа оперетты работала в это время на территории ДВК, и никаких выездов в Китай у нее не было, что установлено нами в публикации 2016 года [6]. В Харбине имелась своя опереточная труппа. Для работы в полосе отчуждения КВЖД

[16] Газета «Красное знамя». №2190. 1927 год. 4 декабря. С. 6. Сохранена орфография и грамматика оригинала.

[17] Закрытые концерты, спектакли и показы для партийного и профсоюзного актива — характерная практика двадцатых-тридцатых годов в Советской России.

[18] По воспоминаниям дочери композитора, в Харбин семья выехала в составе труппы оперетты, отправлявшейся туда на гастроли [14].

Ил. 5. Газета «Красное знамя». №66. 1928 год. 18 марта. С. 6.
ГАПК

артистические кадры приглашались по запросу из харбинского губотдела профсоюза Рабис. Начиная с 1927 года выезды всех работников искусств на работу за пределы страны санкционировались из Москвы Центральным посредническим бюро по найму работников искусств (Центрпосредрабис)[19]. Ни обмена коллективами, ни запросов на них в это время не было. Более вероятной нам представляется версия А. Баташева о том, что Гейгнер получил приглашение в Харбин, заключив длительный контракт на гастроли своего инструментального ансамбля [1]. Выехать из СССР он мог только легальным путем, оформив все соответствующие документы, поскольку ехал с семьей, где были маленькие дети. Тем не менее, в нашем распоряжении оказались данные, заставившие поначалу усомниться, что выезд музыканта в Китай состоялся именно в 1928 году.

[19] Об особенностях работы советских работников искусств в Харбине см.: [7].

Причиной сомнений и некоторой путаницы стала распространенная практика двадцатых годов — не указывать инициалы авторов, исполнителей, нанимаемых артистов ни в афишах, ни в деловых документах, даже в трудовых договорах. В упомянутой выше переписке между владивостокским и краевым посредническим бюро Рабис при формировании музыкальной труппы на сезон 1927/1928 г. встретилась телеграмма, датированная 18 сентября 1927 года: «...*контрабас Гейгнер* имеет другие предложения»[20] [курсив наш. — *И. К.*]. Контрабасист по фамилии Гейгнер вновь появляется в документах 1929 года. 5 мая 1929 года с ним был заключен трудовой договор на исполнение оркестровой партии II контрабаса[21]. Приказом №9 от 15 сентября 1929 года по Дальневосточному краевому управлению зрелищными предприятиями (ДВК УЗП) Гейгнера зачислили в штат оркестра оперы как исполнителя партий I–II контрабаса[22]. В следующем году трудовой договор с ним был перезаключен, и приказом №36 по ДВК УЗП с 1 мая 1930 года Гейгнер был вновь зачислен в штат оркестра оперы в качестве контрабасиста[23]. Только четвертый обнаруженный документ прояснил ситуацию. В переписке региональных Посредбюро с Центрпосредрабис в списке артистов оперы Далькрай УЗП сезона 1929/1930 г. единственный раз появилась фамилия с инициалами: под номером 40 указан Гейгнер *Я. И.*, в графе «должность/амплуа-положение» указано «2-й К-бас», в графе «получаемый оклад + амортизация» — 135, в графе «время поступления» — 16/IX–29 г., в графе «примечание» — Владивосток (т. е. место, откуда приглашен)[24].

В беседе с Елизаветой Давидовной Ривчун, выяснилось, что в упомянутых выше документах речь шла о *брате* Гейгнера – *Якове Исааковиче*. Он действительно был отменным контрабасистом. В документах середины тридцатых годов нам вновь встретилась фамилия Гейгнера в составе оркестровой группы гортеатра. Как рассказала Елизавета Давидовна, Яков Исаакович не подвергся репрессиям и в дальнейшем достаточно успешно работал в оркестрах музыкальных театров страны.

В пользу версии о предложенном Давиду Исааковичу контракте говорит тот факт, что в Харбин он уехал вместе с владивостокским коллегой — скрипачом Д. Ротбергом, концертмейстером струнного оркестра, с которым они начинали работать в 1926 году в кинотеатре «Арс». В семейном архиве сохранилась фотография джаз-оркестра Гейгнера, сделанная во время гастролей по Китаю. В правом верхнем углу указан г. Тянцзин и дата — 4 (или 9).10.32. На обороте фотографии Елизавета Давидовна подписала имена музыкантов, которых смогла вспомнить. В первом ряду в центре — Цецилия и Давид Гейгнеры. Крайние слева — скрипач Д. Ротберг и его супруга Евгения.

[20] РГИА ДВ. Ф. Р–2534. Оп. 1. Д. 27. Л. 88.
[21] РГИА Д. Ф. Р–2480. Оп. 1. Д. 9. Л. 150.
[22] РГИА ДВ. Ф. Р–2480. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
[23] РГИА ДВ. Ф. Р–2480. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.
[24] РГИА ДВ. Ф. Р–2534. Оп. 1. Д. 41. Л. 42.

Ил. 6. Из семейного архива Е. Д. Ривчун (Гейгнер)

Давид Исаакович успешно и плодотворно работал как композитор. Он писал песни, романсы, инструментальные пьесы, выполнял запоминающиеся аранжировки. По объективным причинам представить список его сочинений не представляется возможным. В газетном интервью [14] дочь композитора перечислила приведенные выше жанры, в которых работал Гейгнер. Ей было известно, что отец писал музыку к спектаклям труппы «Синей блузы», когда служил в агитбригаде конармии Буденного[25]. По возвращении в Москву в 1935 году он устроился на кинофабрику и писал музыкальное сопровождение для кинохроники: «физкультурный парад, война в Абиссинии (оператор Роман Кармен), “Полет героев” — о беспосадочном перелете Чкалова, Белякова, Байдукова Москва — Северный полюс — Северная Америка» [14]. В том же 1935 году он получил предложение от киностудии «Ленфильм» и написал музыку для фильма «Леночка и виноград» с Яниной Жеймо и Борисом Чирковым в главных ролях. Но после ареста его имя в титрах было удалено и заменено на фамилию композитора Н. Стрельникова (автора оперетты «Холопка»), не имевшего никакого отношения к работе над кинолентой [там же].

К сожалению, в России никогда не звучала музыка, написанная Гейгнером для музыкального театра. Из воспоминаний дочери известно, что он создал оперетту «К тем берегам» на текст литератора И. Козлова; по ее мнению, произведение было написано во время пребывания их семьи в Харбине. По словам Елизаветы Давидовны, оперетта рассказывала

[25] Мы также располагаем сведениями, что во Владивостоке Гейгнер писал музыку для отдельных номеров в спектаклях местной труппы «Синей блузы». Об этом написано в небольшой заметке: [13].

о событиях революции, вызвавших отъезд соотечественников в эмиграцию, о жизни этих людей за границей в Константинополе и об их возвращении на родину. В 1937 году, работая в Москве, Гейгнер предложил ее Московскому театру оперетты. Сочинение понравилось и было принято к постановке. Но этому не суждено было состояться, потому что автора вскоре арестовали и осудили. Как рассказала Елизавета Давидовна, впоследствии обнаружить в Московском театре оперетты ноты произведения так и не удалось. В документах РГИА ДВ нами были найдены материалы, содержащие новые сведения об оперетте Гейгнера «К тем берегам» и побудившие нас по-иному оценить значимость этого сочинения.

В зимнем сезоне 1928/1929 г. оперно-опереточная труппа музыкального театра ДВК работала во Владивостоке в гортеатре «Золотой Рог». В феврале 1929 года состоялось заседание художественного совета театра с участием представителей владивостокского окружного правления профсоюза Рабис, в частности заведующего Посредбюрорабис Я. Яшина. В повестке заседания, как записано в протоколе №1 от 18 февраля 1929 года, — вопрос о прошедших оперно-опереточных постановках. Выступающие отмечали тот факт, что пресса, освещающая спектакли коллектива, обращает внимание на их содержание и идеологическую ценность. Ведущий артист оперетты Елизаветский сообщил, что коллектив привез 10 оперетт, 30% из которых — советские. При этом он заметил, что пока все эксперименты в области создания советской оперетты были неудачными: «Если есть советское содержание — нет музыки, если есть музыка — нет советского содержания»[26]. Исполняющий обязанности секретаря заседания Я. Яшин предложил к постановке новую оперетту *«К тем берегам», «написанную владивостокцами, текст Козлова, музыка Гейгнера»* [курсив наш. — *И. К.*]. В постановлении записали решение: членам художественного совета надлежало ознакомиться с предложенной новой опереттой[27]. На следующем заседании художественного совета гортеатра «Золотой Рог» снова обсуждали репертуарные вопросы. В протоколе №2 от 15 марта 1929 года записано: «Поручить т. т. Елизаветскому, Апрельскому, Крамесу и Яшину ознакомиться с новой опереттой “К тем берегам” и представить свои соображения к следующему заседанию»[28]. Но на следующем заседании 6 апреля 1929 года к этому вопросу не возвращались.

Третье заседание было последним, потому что буквально на следующий день, 7 апреля 1929 года в газете «Красное знамя» вышла обличительная статья «Оденьте респираторы — открываем кулисы» об угрожающем моральном разложении артистов советского музыкального театра ДВК, попустительстве профсоюза и самого коллектива [10, *4*]. Резонанс публикации был огромен. В театре, как и следовало ожидать, началась фронтальная проверка всех сторон деятельности коллектива. Комиссия окружного совета

[26] РГИА ДВ. Ф. Р–418. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.

[27] Там же.

[28] РГИА ДВ. Ф. Р–418. Оп. 1. Д. 3. Л. 45 об.

профсоюзов сделала вывод о наличии в труппе антисоветского и белогвардейского элементов, создающих неблагоприятные условия для работы театра. Были приняты кадровые решения об увольнениях, а также о наказании ряда сотрудников по партийной и профсоюзной линиям[29]. В описанной ситуации вопрос о постановке новой оперетты «К тем берегам» отпадал естественным образом — классовая и идеологическая безупречность советского театрального коллектива были важнее. Работа комиссии продолжилась до конца театрального сезона, поэтому решение по поводу оперетты Гейгнера-Козлова так и не было принято, и, следовательно, к репетициям в 1929 году труппа не приступила. Изучение архивных материалов показало, что в репертуаре музыкальной труппы музкомедии ДВК в последующие сезоны оперетта Гейгнера и Козлова «К тем берегам» так и не появилась[30].

Учитывая все обстоятельства, следует констатировать, что оперетта «К тем берегам» была написана именно в период *1926–1928 гг.* и не позднее. Опираясь на даты — предполагаемое время выезда композитора в Китай (май-июнь 1928 года) и дату предложения к постановке пьесы во Владивостоке (18 февраля 1929 года) — представляется маловероятным, что оперетта была написана именно в этот временной промежуток. Аргументы: в Харбине Гейгнер к этому времени находился около полугода, при нем жена и двое маленьких детей; как и у большинства эмигрантов, начальное время пребывания в чужой стране уходит на обустройство, адаптацию в новых социальных и культурных условиях, необходимо много работать, чтобы прокормить семью и оплачивать съемное жилье; подобная житейская ситуация вряд ли предполагала наличие большого количества времени, чтобы заниматься *свободным творчеством*. Нельзя, однако, исключить, что в указанный период оперетта была *дописана* и с оказией *передана* во Владивосток Я. Яшину. Елизавета Давидовна не знала о предложении к постановке оперетты во Владивостоке в 1929 году. С упомянутыми протоколами заседания худсовета владивостокского театра автор статьи познакомила ее только в 2016 году. По этому поводу в интервью дочь композитора согласилась, что, *возможно*, писать оперетту *отец начал еще во Владивостоке* и *продолжил ее писать в Харбине*. Не исключено, однако, что в Харбине Гейгнер *не дописывал* оперетту, а *редактировал, перерабатывал*, и в Москве предложил к постановке второй доработанный вариант. Нотная рукопись оперетты, вполне вероятно, существовала как минимум в двух экземплярах. В связи с этим возникла надежда, что какие-то фрагменты ее (если с сочинением знакомились в опереточной труппе ДВК) могли сохраниться

[29] РГИА ДВ. Ф. Р–418. Оп. 1. Д. 3. Л. 139–140.

[30] В акте обследования театра «Золотой Рог», которое проводило окружное правление союза Рабис с 9 по 26 апреля 1929 года, подтверждены сведения, что на заседаниях худсовета театра 18 февраля и 15 марта 1929 года принимались решения об ознакомлении и проработке оперетты «К тем берегам» с последующим докладом на худсовете: РГИА ДВ. Ф. Р–418. Оп. 1. Д. 3. Л. 94.

в архивах или нотных библиотеках театров Хабаровска или Владивостока. Однако предпринятые в 2017 году поиски результатов не дали.

На сегодняшний день оперетта «К тем берегам» Д. И. Гейгнера по пьесе И. Козлова считается утерянной. Но сам факт написания этого произведения и знакомства с его *завершенным вариантом* артистов дальневосточной оперетты документально установлен и сомнению не подлежит. В сообщении Я. Яшина, предложившего ее к постановке, обращает на себя внимание, что она представлена как написанная *владивостокскими* авторами. После худсовета 18 февраля 1929 года в прессу даже было дано сообщение о намерении рассмотреть эту оперетту. Уже в процессе подготовки статьи автором была обнаружена информация, размещенная в разделе театральной хроники газеты «Красное знамя» за 26 февраля 1929 года: «Новая оперетта “К тем берегам” из жизни белой эмиграции в Турции будет рассмотрена на одном из ближайших заседаний художественного совета. Оперетта написана: текст гр. Козловым (член союза медсантруд), музыка гр. Гейгнером (член союза рабис)»[31].

Приведенные обстоятельства позволяют определить историческую значимость указанного сочинения. *Оперетта «К тем берегам» Гейгнера и Козлова — первое авторское сочинение для музыкального театра, написанное на Дальнем Востоке*[32]*, первая оперетта, написанная на Дальнем Востоке, первое произведение в профессиональной музыке советского Дальнего Востока, отразившее современную тематику.* Несмотря на то, что события оперетты, по словам Елизаветы Ривчун, разворачиваются в среде российских эмигрантов в Константинополе, можно говорить, что пьеса отчасти отражала и *дальневосточную тематику,* поскольку Владивосток в двадцатые годы был транзитным пунктом, откуда россияне во время и после Гражданской войны эмигрировали в Китай, Америку и Австралию. Узнать о жизни и судьбах соотечественников в русском зарубежье — в Харбине и Шанхае — композитору не составляло труда, поскольку постоянно шел обмен артистическими кадрами между ДВК и полосой отчуждения КВЖД. Последнее утверждение о локальной тематике частично опровергает недавно установленный факт, что первую оперетту на дальневосточную тему — «Ки-сань» — написал Д. Д. Пекарский[33] — талантливый композитор и дирижер, работавший несколько лет начиная с 1934 года в Хабаровском краевом театре музыкальной комедии в должности главного дирижера и заведующего музыкальной частью. Берем также на себя смелость утверждать, что самое важное в факте написания оперетты Гейгнера «К тем берегам» (в период до 1929 года) то, что она *могла быть первой советской опереттой,*

[31] Газета «Красное знамя». [Театр]. №46. 1929 год. 26 февраля. С. 4. Имелось в виду второе заседание худсовета, которое состоялось 15 марта 1929 года.

[32] Самым ранним сочинением для музыкального театра ДВК полагали несохранившуюся оперетту Д. Д. Пекарского «Безумец», которую первой в списке оперетт дальневосточных композиторов тридцатых-пятидесятых годов указывает Т. В. Лескова [8, *327*].

[33] Об этом пишет С. Сырвачева [11, *132*].

посвященной событиям революции и Гражданской войны. Знаменитая оперетта Б. Александрова о событиях Гражданской войны на Украине — «Свадьба в Малиновке» — написана значительно позднее — в 1936 году.

Ил. 7. Газета «Рубеж» (Харбин). №49. 1930 год. 31 ноября. С. 16.
Подпись: «Оркестр Д. И. Гейгнера, наигравший 40 пластинок».
Музей Приморского края. 15121–30. Кн. 11747

Изучение публикаций в журнале «Рубеж» дополнило фактологию о деятельности Гейгнера в Харбине. Осенью 1930 года туда были откомандированы представители граммофонной компании пластинок «Колумбия» для записи русских фокстротов и еврейских песен. Как сообщал корреспондент журнала «Рубеж», для их исполнения пригласили известного к тому времени в городе композитора и пианиста Давида Гейгнера. Ему было предложено собрать «джесс-оркестр»[34], с которым для пластинок «Колумбии» наиграли и записали 40 наиболее популярных в Харбине фокстротов на русские мотивы; среди них были «песенки Вертинского и русские, и цыганские романсы» [4, *16*]. Аранжировки для «джесса» были выполнены Гейгнером. В упомянутой публикации помещено фото ансамбля и указаны фамилии музыкантов: Зазулинова (скрипка), Бузиков (1-й саксофон), Бужинский (2-й саксофон), Овчинников (3-й саксофон), Рябенко (1-я труба), Лаппо (2-я труба), Антропов (тромбон), Деринга (туба), Шлепаков (барабан), Птицин (банжо[35]), Кушнир (пение и укалеле)[36] и сам Гейгнер (рояль). Указаны 34 аранжировки, среди которых: «Женулечка», «Ты успокой меня», «Полукровка», «Танго-магнолия», «Крошка дитя», и другие [там же]. Для еврейских песен, на которые, как писал автор журнальной статьи, всегда большой спрос в Америке, была приглашена популярная исполнительница София Россина-Белицкая,

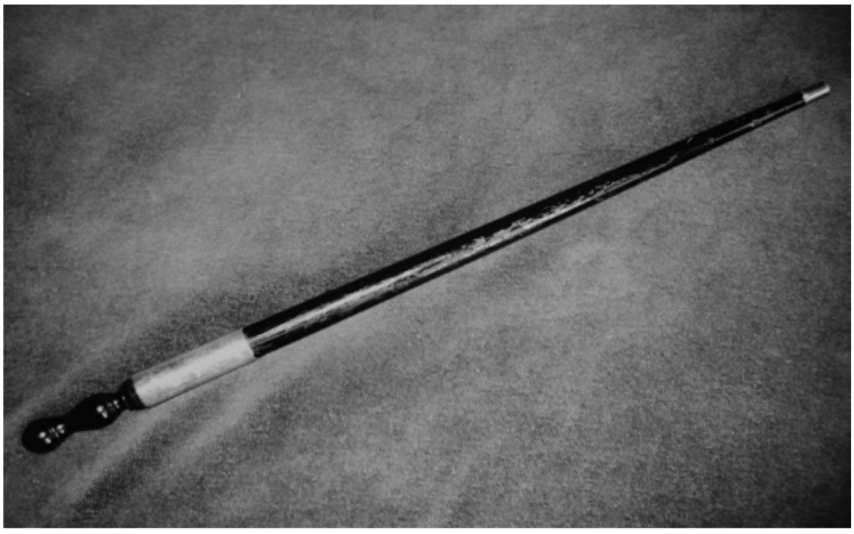
[34] Такое название оркестра дано в упомянутой статье.

[35] Сохранено написание оригинала.

[36] Сохранено написание оригинала.

напевшая целый ряд таких песен для пластинок «Колумбии». «Аккомпанировал артистке известный пианист Д. И. Гейгнер» [там же].

С 1930 года и до самого возвращения в СССР в 1935 году Гейгнер много работает как дирижер с оркестрами: в Харбинской филармонии, с джаз-оркестром, в театре. До 1932 года он руководил оркестром оперетты в Харбине, которая базировалась на сцене кинотеатра «Атлантик», и за короткое время завоевал признание оркестрантов и публики. 15 мая 1930 года музыканты поздравляли дирижера с его «театральными именинами». В приветственном адресе было написано: «Работая с Вами в течение целого сезона, мы видели в Вас не только талантливого музыканта, но и прекрасного человека и отзывчивого товарища, что редко бывает в наше время. Наша совместная работа доставляла большое эстетическое удовольствие не только нам оркестрантам, но и публике, посещающей театр “Атлантик”, что неоднократно отмечалось местной прессой»[37]. Вместе с адресом музыканты преподнесли Давиду Исааковичу именную дирижерскую палочку с гравировкой на серебряном кольце.

Ил. 8. Фото из семейного архива Е. Д. Ривчун (Гейгнер)

В нашем семейном архиве хранятся афиша и программа двух харбинских опереточных постановок, где Гейгнер указан как дирижер: «Тамары» А. Ашкенази и «Олли-Полли» В. Колло, поставленной артистом и режиссером оперетты В. Валиным в честь 15-летнего юбилея его сценической деятельности. Они приведены ниже[38].

[37] Цитируется по документу из семейного архива Е. Д. Ривчун (Гейгнер).

[38] Обе постановки относятся к сезону 1931–1932 г. Именно тогда в Харбинской опереттe работала дальняя родственница автора данной статьи Е. А. Орловская (Крыловская) и ее муж В. Валин (Катхе), которые указаны в составе исполнителей.

Ил. 9. Афиша оперетты А. Ашкенази «Тамара» (30–31 января 1932 года)

АТЛАНТИК ОПЕРЕТТА

Вторник 24-го мая 1932 года

XV-летний юбилей сценической деятельности артиста и режиссера

ВАЛЕНТИНА ЕВГЕНЬЕВИЧА

КАТХЭ (ВАЛИНА)

Тип. „Печать" 992—32

Ил. 10. Программа оперетты В. Колло «Олли-Полли». 1-я страница

ПРОГРАММА

Предст. будет впервые на Харбинской сцене новинка Берлина

„ОЛЛИ-ПОЛЛИ"

Оперетта в 3-х действ.
музыка ВАЛЬТЕРА КОЛЛО.

Действующие лица:

Гаральд Вилльс, кино-актер . . .	**П. К. Рябовский**
Чарли Спенсер, его друг	**Валентин Катхэ (Валин)**
Олли Вудсен, американка	**Е. А. Орловская**
Полли Веббс, ее гувернантка . .	**Н. Н. Энгельгардт**
Джен, невеста Чарли	**Л. П. Шатрова**
Тобиас камердинер Гаральда . .	**Р. М. Рубэн**
Фокс, антрепренер	**С. А. Томский**
Ник, детектив	**Б. Э. Брониславский**
Директор отеля	**Л. Л. Гайдаров**
Нотариус	**М. М. Давыдов**

Подруги Джен, полисмены

Постановка **Валентина Катхэ (Валина)**

Дирижер **Д. И. Гейгнер**

Художники **А. Сафронов и П. Сергеев**

Спектакль ведет **П. Г. Бодростин**

Суфлер **Г. Ф. Серебряков**

Администратор **В. И. Емельянов.**

Ил. 11. Программа оперетты В. Колло «Олли-Полли». 2-я страница

Обосновавшись в Шанхае с 1933 года, Гейгнер продолжает работу в русской оперетте театра «Ляйсеум». Под его управлением была поставлена «Сильва» И. Кальмана, в которой роль Стасси исполнила обладавшая прекрасными вокальными данными супруга дирижера — Цецилия Гейгнер. Свой детский дебют совершила и его дочь — она вышла на сцену в оперетте Ф. Легара «Цыганская любовь», также под управлением Давида Исааковича. В сезон 1932/1933 г. в Шанхае была поставлена оперетта Р. Фримля «Роз-Мари». Спектаклем также дирижировал Гейгнер. Присутствовавшей в театре дочери этот вечер особенно запомнился, прежде всего, тем, что в зале находился сам автор музыки. По окончании спектакля, ему устроили овацию и вызвали на сцену. Вместе с ним на сцену поднялся и дирижер, которого Фримль горячо поблагодарил. Как вспоминала Елизавета Давидовна, композитор восторженно сказал, что исполнение и постановка его оперетты были самыми лучшими из всех, которые ему доводилось слышать и видеть.

Перед отъездом из страны в 1935 году для Шанхайского театра Гейгнером была написана музыка к балету-пантомиме «Маски города». Дочь композитора показала нам фото из старой (очевидно, шанхайской) газеты, где запечатлена сцена из этого балета.

В России ни сам балет, ни его музыка никогда не исполнялись. Как и в случае с опереттой, нотный материал на сегодняшний день считается утраченным. Но значение этого сочинения не может считаться утраченным. Полагаем, что «Маски города» — *это первый балет, написанный отечественным композитором на Дальнем Востоке*. Для музыкальной культуры русского зарубежья он также имеет важное значение, дополняя перечень *зарубежных* сочинений отечественных композиторов двадцатых-тридцатых годов XX века в этом жанре, которые, как известно, практически все были написаны для Русских сезонов балетной антрепризы С. Дягилева и поставлены в Париже.

Жизнь и творчество Давида Исааковича Гейгнера на Дальнем Востоке России и в русском зарубежье — без сомнения, яркая страница музыкальной культуры региона. За небольшой для истории период он сумел внести серьезный вклад в несколько областей музыкально-театральной культуры. Работая в составе инструментального ансамбля и оркестра в кинотеатрах Владивостока, он способствовал усилению роли музыкального сопровождения в кинематографе, значительно подняв его художественный и исполнительский уровень, а также выполняя просветительскую функцию, знакомя жителей города с лучшими образцами отечественной и зарубежной музыки.

Возвращая имя композитора, пианиста и дирижера Давида Гейгнера, мы возвращаем страницы истории музыкальной культуры провинций нашей страны, из которых, в конечном итоге, складывается история музыкальной культуры России в целом. Самая важная сфера деятельности музыканта на Дальнем Востоке России и в ближнем зарубежье — композиторская.

Ил. 12. Из семейного архива Е. Д. Ривчун (Гейгнер).
Подпись под фотографией: «Балет пантомима на музыку Д. Гейгнера — “Маски города”». От руки: «1935 г.»

Обладая ярким дарованием, он создает *первые* в истории музыкальной культуры региона *произведения для музыкального театра*, которые могли бы занять достойное место среди творческого наследия отечественных композиторов. *Первым* из отечественных авторов он *воплощает в оперетте тему революции и Гражданской войны*. Остается надеяться, что рукописи действительно не горят, и ноты театральных произведений Гейгнера все же будут обнаружены, если не целиком, то хотя бы во фрагментах. В этом случае можно будет говорить уже не о страницах, а о целой новой главе, вписанной в историю музыкально-театральной культуры Дальнего Востока России и русского зарубежья.

Использованная литература

1. *Баташев А.* Судьба [15 мая исполняется 85 лет Эмилю Гейгнеру] // Полный джаз. Еженедельная сетевая версия журнала «Джаз.Ру». Вып. 16–17 (301–302). 5 мая 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.jazz.ru/mag/301/#fate. (дата обращения: 28.09.2017).
2. Гейгнер Давид Исаакович // Воспоминания о ГУЛАГе [электронный ресурс]. URL: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=1319 (дата обращения: 28.09.2017).
3. Давид Гейгнер // *Пестов С. Л.* Голоса издалёка. Екатеринбург: Музей истории Екатеринбурга, 2008. С. 21–28.
4. *Зв. К.* Харбинцев слушает весь мир! [Джесс Д. И. Гейгнеро[39] и певица София Россина-Белицкая — на граммофонных пластинках «Колумбия»] // Рубеж (Харбин). №49. 31.11.1930. С. 16.
5. *Королёва В. А.* Хроника культурной жизни Владивостока: в 2 ч. Ч. 2: 1923–1929 гг. Музыка. Театр. Кино. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 188 с.
6. *Крыловская И. И.* Проблема театрального юбилея: к истории Хабаровского краевого музыкального театра // Исторические, философские, политические и исторические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №9 (71). С. 101–108.
7. *Крыловская И. И.* Хроники деятельности харбинского отделения профессионального союза работников искусств (1925–1929 гг.) // Исторические, философские, политические и исторические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016 . №11 (73). Ч. 1. С. 72–82.
8. *Лескова Т. В.* Творчество композиторов Дальнего Востока России: учебное пособие. Хабаровск: Хабаровский гос. институт иск. и культуры, 2012. 360 с.
9. *Линнит.* К вопросу о музыкальной иллюстрации // Красное знамя. №2189. 1927 год. 3 декабря. С. 5.
10. *Соколов И.* Оденьте респираторы — открываем кулисы // Красное знамя. №79. 1929 год. 7 апреля. С. 4.
11. *Сырвачева С. С.* На языке полуправды: музыкально-театральная сцена Хабаровска 30-х годов как платформа антирелигиозной пропаганды // Проблемы музыкальной науки. 2017. №1. С. 128–136.
12. *Тур Д.* [Театр] Роб и Гуд // Красное знамя. №96. 1928 год. 24 апреля. С. 3.
13. *Тур Д.* «Синяя блуза» // Красное знамя. №71. 1928 год. 24 марта. С. 5.
14. *Щербакова Л.* Потерянная музыка // «30 октября»: газета. 2007. №76. С. 14. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=5363 (дата обращения: 28.09.2017).

[39] Сохранено написание оригинала.